

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию **Кириченко Владислава Владимировича** на тему: «ФАКТ И ВЫМЫСЕЛ В ТВОРЧЕСТВЕ ЖОРЖА ПЕРЕКА», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.2 — Литературы народов мира

Обращение к творчеству одного из самых ярких французских писателей XX века Жоржа Перека сопряжено с рисками, которые определяются и сложным устройством его текстов, их экспериментальной природой, и достаточно интенсивной изученностью его творчества: по количеству посвященных ему исследований Перек занимает одно из первых мест среди французских писателей второй половины XX века. Вместе с тем, в России его изучение еще только начинается, оно проводилось лишь в формате статей (если не считать одну русскоязычную диссертацию белорусской исследовательницы). В. В. Кириченко, в целом, справился с указанными рисками и представил исследование отмеченное несомненной актуальностью и новизной.

Актуальность работы определяется не только тем, что творчество Перека, во многом изменившее представления о сущности литературы, не перестает привлекать внимание исследователей. Его тексты оказываются созвучны остро современным размышлениям о сути автобиографических форм и соотношении в них реального и фикционального. Концептуальным достоинством работы В. В. Кириченко является чрезвычайно удачно выбранный ракурс исследования, в фокус которого поставлены две новые и актуальные литературоведческие концепции: теория фикциональности и теория возможных миров. Это же определяет и бесспорную **новизну** исследования: произведения Перека никогда еще не рассматривались с позиции двух взаимосвязанных методологий — теории возможных миров и теории фикциональности.

Четко сформулированные цели и задачи работы определяют ее структуру: диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии, включающей 290 наименований на русском, французском и английском языках.

Хорошо и емко написанное Введение содержит все необходимые сведения об актуальности, новизне, методологии, целях и задачах работы и апробации ее научных результатов, степени изученности творчества писателя и разработанности двух методологических направлений: теории фикциональности и теории возможных миров (последняя еще только осваивается отечественными литературоведами). Во Введении достаточно убедительно обосновывается выбор для анализа двух романов из всего корпуса перековских текстов, обусловленный особым интересом диссертанта к «концептуальному функционированию факта и вымысла не только в автобиографических или эссеистических

текстах, типа «W, или Воспоминание детства», но и в сугубо фикциональных текстах типа «Исчезновение»» (с.9). Заявляются основные проблемные методологические узлы работы, которые будут развиты в последующих главах (к примеру, принципиальная несводимость для диссертанта понятия «возможного мира» к понятию «художественного мира»).

Первая теоретическая глава, хотя и посвящена номинально теории возможных миров, является также попыткой увязать новейшие методологические подходы с более традиционными для отечественными литературоведения проблемами художественного мира и художественного вымысла. Вполне обоснованно, первый параграф посвящен формированию теории возможных миров (модальному реализму) в философии и логике. Вероятно, сложно назвать всех первооткрывателей теории возможных миров (далее — ТВМ), однако несколько удивляет отсутствие в этом параграфе имени американского философа Нельсона Гудмена, автора знаменитой и переведенной на русский язык книги «Способы создания миров» (*Ways of Worldmaking*, 1978) и монографии «Fact, Fiction and Forecast» (1955), где он, в том числе, разрабатывает теорию контрафактуальных положений, на которую опирается диссертант. Второй параграф также носит обзорно-аналитический характер: в нем В. В. Кириченко подробно анализирует вклад Дэвида Льюиса, Томаса Павела, Умберто Эко, Рут Ронен, М.-Л.Райан, Э.Белл и др. во внедрение ТВМ в науку о литературе; положения Любомира Долежела рассматриваются особенно подробно. Безусловного уважения заслуживают попытки диссертанта разъяснить терминологический аппарат Долежела, наделяющего термины семантики инновационными окказиональными смыслами. Весьма убедительно звучит вывод о том, что обращение к теории возможных миров позволило обновить теоретический инструментарий литературоведения и по-новому поставить проблему факта и вымысла, соотнеся ее с формой литературного произведения, его семантико-структурными особенностями (с.36). Два последних параграфа первой главы связывают теорию возможных миров с более традиционными для отечественными литературоведениями подходами — проблемой художественного мира и теорией художественного вымысла, что, по замыслу исследователя, должно способствовать лучшей апроприации новых теорий. Впечатляет начитанность диссертанта, умение сопоставлять и интерпретировать позиции научных предшественников. Обзорно-теоретическая глава закладывает солидный фундамент для последующих глав, посвященных непосредственно текстам Перека.

Во второй главе рассматривается роман «W, или Воспоминание детства». Двойственность как основной структурный принцип убедительно прослеживается на всех уровнях и связывается с различными вариантами автобиографического субъекта, с

попытками автора отрефлексировать прошлое и избежать аксиологической однозначности, что демонстрирует объемность мышления диссертанта и его умение убедительно соединить и осмыслить в одном интеллектуальном жесте казалось бы весьма разнородные категории. Отмечу, что это свойство научного мышления убедительно демонстрируют обе аналитические главы. Параграф, посвященный анализу возможных миров романа носит более формализованный характер. Возможно, графическая наглядность поможет читателям разобраться в лабиринтах перековских текстов, хотя при всей изощренности анализа порой кажется, что преобладающей функцией теории возможных миров остается в диссертации структурирование материала. Терминологические новации позволяют обозначить и отрефлексировать особенности экспериментальной прозы Перека, и это несомненно продвигает отечественное перековедение к новым горизонтам. Интересны и перспективны гипотезы об «одноперсональности» романов Перека (с.65), в свете рассуждений о возможных мирах и их модальностях весьма убедительно звучит жанровое определение романа Перека как *эпистемологического*. Не углубляясь специально в проблематику исследований памяти, столь часто используемую при изучении творчества Перека, диссертант отталкивается от глубоко верного тезиса о том, что сочетание факта и вымысла фундирует поэтику Перека, задает ей особый стиль и стратегии письма, что позволяет в новой перспективе изучить особенности художественного освоения прошлого и работу с его травмами, а также увязать с этим жанровые механизмы автовымысла как формы автобиографической литературы. Особенно интересным и важным для интерпретации романа представляются рассуждения В. В. Кириченко о психотерапевтическом письме и «защитной поэтике», где диссертанту удастся подобрать теоретический инструмент, максимально соответствующий авторским интенциям — обрести защиту от «свободного письма». Столь же оригинальны и перспективны наблюдения В. В. Кириченко над поэтологическими особенностями образа рекуррентного персонажа Гаспара Винклера. Диссертант рассматривает его как трансфикциональное alter ego автора. Все намеченные векторы поэтологического анализа позволяют увидеть в автофикциональной прозе Перека комплексный «автобиографический проект», не имеющий прецедентов в мировой литературе.

В **третьей** главе диссертант предлагает собственную интерпретацию романа «Исчезновение», связывая стратегии репрезентации факта и вымысла с «эстетикой отсутствия». Как и в предыдущей главе, избранный теоретический подход оказывается оптимально адекватным материалу. Концепция «исчезновения» рассматривается как главный структурообразующий принцип, ее художественная реализация исследуется

глубоко и эстетически тонко. (Возможно, наиболее заметным слабым местом в этой главе оказывается заголовок первого параграфа, отличающийся некоторой невнятицей: «Общие особенности романа «Исчезновение»»). Отдавая дань значимости концепции исчезновения для теоретической мысли XX века, диссертант связывает его в самом широком плане с модернистским представлением о недостаточности действительности, с теоретическими построениями П. Вирильо, М. Маклюэна, Ж.Ф. Лиотара (возможно, здесь было бы уместно вспомнить и работы Сьюзан Зонтаг «Эстетика молчания» и близкие по проблематике и времени написания работы Ихаба Хассана и Джорджа Стайнера). Как и всюду в диссертации, теоретическая насыщенность мысли плодотворно сочетается со вниманием к лично-биографическому опыту Ж. Перека. Схема возможных миров в этой главе строится с учетом жанровой парадигмы детектива с его актуализацией знания и информации. Поэтологический анализ адекватен сложноустроенному тексту, он выявляет и объясняет в этом липпограмматическом «лингвистическом романе» и особую роль отсутствующей буквы, и сюжетную прагматику исчезновения, и колористический эквивалент исчезновения — белый цвет. Раздел об автобиографах обнаруживает специфику работы Перека с биографическим материалом, выявляет автобиографический символизм сюжетных коллизий. Раздел о «белой меланхолии» вновь демонстрирует способность диссертанта к незаурядной объемности мышления, здесь прослеживается формирующее влияние меланхоличности на жанровые стратегии и попытку преодолеть ее через каталогизирование сходных образов, что вкуче подтверждает созвучие авторского идеостилия концептуализированной таким образом утрате. Глубокий и тщательный анализ подводит к обоснованному выводу о том, что «весь текст Перека – один большой эксперимент с памятью, с возможностью свидетельствовать о событиях, которые он не в состоянии четко обозначить»(с.165).

Имея в виду значимость вводимой терминологии и требования к строгости научного дискурса хотелось бы задать следующий **уточняющий вопрос**: как соотносятся возможные миры и «уровни реальности» упомянутые на стр. 88? «В повествовании совмещаются несколько «уровней реальности»: собственная актуальность (действительность) автора, историческое прошлое и биографический контекст, вымышленный рассказ о персонаже по имени Гаспар Винклер и история острова W. Дифференциация этих линий произведения является важной для его понимания и интерпретации». Трудно спорить. Но не являются ли «уровни реальности» синонимичными понятиями с «возможными мирами»?

Как и любое новаторское исследование, диссертация В. В. Кириченко не лишена недостатков, преимущественно технического характера.

Порой диссертант не вполне квалифицированно работает с цитатами. Так получается с цитатой из словарной статьи М. Л. Гаспарова, где тот, якобы, приписывает концепт «образ автора» М. М. Бахтину, а изобретение «точки зрения» Б. Успенскому: «Конечными понятиями, к которым могут быть возведены при анализе все средства выражения, являются «образ мира» (с его основными характеристиками, художественным временем и художественным пространством) и «образ автора» (Бахтин), взаимодействие которых дает «точку зрения» (Успенский), определяющую все главное в структуре произведения» [Гаспаров, 2001] (с.38). Любому, более или менее сведущему в нарратологии, известно, что категорию «точки зрения» ввел в литературоведческий обиход задолго до Б. Успенского Генри Джеймс, а категория «образа автора» была разработана В. В. Виноградовым в работе «Наука о языке художественной литературы» (1959), а М. М. Бахтин в своих заметках «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа», относящимся к тому же времени (1959-1961 гг., опублик. в 1976) полемизирует с виноградовским концептом, называя его *contradictio in adjecto*. При сверке этой удивительной цитаты с первоисточником — текстом энциклопедии — оказывается, что М. Л. Гаспаров данные термины никак не атрибутирует, и, следовательно, можно предположить, что это позднейшая интерполяция цитирующего.

Встречаются стилистические огрехи, препятствующие пониманию. Например, «жанровое расширение семейности» (с.13) — в положениях, выносимых на защиту; загадочны также «воспоминания нарративной инстанции» (с.62), «описательная логика переживания» (с.117). Не всегда удачны предлагаемые переводы: “principle of minimal departure” (с.22) Мари-Лор Райан весьма неуклюже переводится как «принцип минимального отправления», тогда как это означает лишь принцип построения возможного мира с минимальными отличиями от известного нам мира.

Вместе с тем, все сделанные замечания ни в коей мере не умаляют значимости настоящего инновационного диссертационного исследования. Профессионально выполненный филологический анализ, системность мышления, способность к объемному видению исследуемых феноменов в сочетании с четкостью формулировок, а также основательное знакомство с новейшими тенденциями литературоведческой мысли делает выводы диссертации достоверными и обоснованными и позволяет заключить, что мы имеем дело со зрелой по мысли научной работой.

Оценивая качество перевода диссертации на английский язык, можно счесть его адекватным и грамотным.

Теоретическая значимость работы несомненна и состоит в осмыслении и применении для практического анализа перспективной теории возможных миров и теории фикциональности. Выводы данной работы могут быть использованы в научных исследованиях по истории зарубежной литературы XX века.

Научно-практическая значимость диссертации состоит в том, что ее результаты могут иметь практическое применение в курсах дисциплин «История мировой литературы», «История французской литературы», «Анализ текста», «Нарратология», «Теория литературы», «Современные концепции литературоведения».

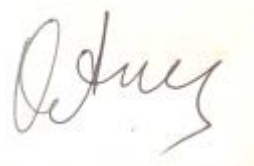
Девять публикаций, подготовленных В. В. Кириченко по теме исследования, соответствуют содержанию диссертации и с достаточной полнотой отражают ее главные положения. Основные научные идеи работы прошли солидную апробацию на многочисленных международных и всероссийских конференциях.

Диссертация Кириченко Владислава Владимировича на тему: «Факт и вымысел в творчестве Жоржа Перека» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Кириченко Владислав Владимирович заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.2 Литературы народов мира. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

Член диссертационного совета

Доктор филологических наук, профессор,

Доцент кафедры истории зарубежных литератур СПбГУ

(Анцыферова О.Ю.)

7 мая 2023 года